

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VI (XX) Международной конференции
молодых ученых

г. Томск, 18–19 апреля 2019 г.

Выпуск 20

Под редакцией канд. филол. наук Е.О. Третьякова

Scientific & Technical Translations

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Томск 2020

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VI (XX) Международной конференции
молодых ученых

г. Томск, 18–19 апреля 2019 г.

Выпуск 20

Под редакцией канд. филол. наук Е.О. Третьякова

Scientific & Technical Translations

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Томск 2020

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Разина А.С.

Томский государственный университет, аспирант

FOLKLORE PLOTS AS A SOURCE OF METAPHORICAL NAMES OF PLANTS

Razina A.S.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье описываются сюжеты, с помощью которых вычленяется внутренняя форма метафорических наименований растений. Анализируются собственно фольклорные произведения и импровизации, основанные на традиционных механизмах текстопорождения и ментальных стереотипах.

Ключевые слова: этиологическая легенда, фитонимы, диалект, лингвокультурологический словарь, фольклор.

Plots that allow revealing the internal form of metaphorical names of plants are described in this paper. Properly folklore plots and improvisations based on both traditional mechanisms of the text production and mental stereotypes are analyzed.

Key words: etiological legend, phytonyms, dialect, linguocultural dictionary, folklore.

Научный руководитель:
Калиткина Галина Васильевна,
докт. филол. наук, доцент.

Диалектные метафорические названия растений интересны с точки зрения трактовки их внутренней формы. Контексты, раскрывающие экстралингвистическую связь между объектом мира флоры и ассоциируемой с ней реалией, как правило, представляют собой жанр полуструктурированного интервью собирателя и информанта: *Ну, чё ещё? Ну вот, например, звёздянка трава. Это тоже трава, и тоже все её знают. Мы называем её так, что цветы-то как звёздочки. Жёлтым цветёт. Она немного похожа на зверобой. Отличается по листьям. Вот у зверобоя листья помельче и много, а эти отличаются. Многие даже путают их (Яшкинский район, Поломошное)* [1]. Однако интервью не является единственным жанром обосновывающих контекстов.

Небольшая, но очень репрезентативная их часть принадлежит к жанру этиологических легенд. Понятие жанра «легенда» в целом очень размыто. Одни исследователи не разграничивают легенду и предание, другие считают основанием разграничения фантастичность событий и образов: «В отличие от предания, Л. всегда фантастична по содержанию и повествует как о прошлом, так и о настоящем и будущем» [2]. Под этиологическими мы понимаем «легенды, рассказывающие о происхождении мира, человека, природных объектов и культурных реалий, а также о возникновении обычаев, предписаний и социальных институтов, определяющих уклад жизни человеческого общества» [3]. Этиологические легенды, повествующие в том числе и о появлении растений и их имен, зародились и получили жанровые признаки, очевидно, еще в античных дискурсах и известны нам по различным вторичным (зачастую сомнительным) источникам.

Например: «*Не любившая и избегавшая долгое время Амура, Флора была все-таки поражена его стрелой и воспылала к нему с этой минуты страстной любовью. Но хитрый божок, добившись желаемого, начал тогда, в свою очередь, избегать Флору, и вот тогда-то, в неудовлетворенной страсти, она решила создать цветок, который и смеется и плачет — соединяет в себе и грусть*

и радость. Увидев выроставший в руке своей чудный цветок, богиня в восхищении хотела, воскликнуть: “Эрос” (так звали греки Амура), но, застенчивая от природы, запнулась, покраснела и, проглотив первый слог, крикнула только: “рос”. Росшие вокруг цветы подхватили это слово, и с той поры цветок этот и стал называться розой» [4].

Этиологические легенды о растениях были распространены и в славянском фольклоре, например, легенды о березе, вербе, ели, можжевельнике, осине, рябине и др. [5]. О.В. Белова, изучающая диалектные, фольклорные варианты сюжетов на библейские темы, выделяет легенды о полезных растениях, созданных Богом, и вредных — творениях черта. В качестве частотных мотивов таких легенд исследователь называет возникновение растения из слез или крови библейских персонажей, а также благословение и проклятие в адрес растения за оказанную им помощь или причиненный вред.

Следует отметить, что в ходе бесед диалектологов с носителями диалекта было записано множество авторских сюжетов, созданных по подобию фольклорных. В разговорах с учеными носители традиционной культуры оказываются в позиции обучающего знатока [6], который описывает непосвященному культурные смыслы. Очевидно, что граница между описанием того или иного этнокультурного факта и импровизацией на тему оказывается достаточно размытой. Тем более, что подобная импровизация «всегда основана на традиционных механизмах порождения текста и стереотипах мышления. <...> Между тем, подобные “авторские версии” весьма важны <...> как отражение психологии, механизмов мышления и стереотипов традиционной культуры» [7].

Итак, фольклорные сюжеты, оформившиеся в жанре легенд, могут выступать базой для выявления номинативного признака диалектных фитонимов. Приведем текст о происхождении одного из народных названий ириса: *Цветочки небольшие растут. Вот кукушкины слёзки это значит. Раньше всё говорили, как*

кукушка... Её считают... она проклятая. Как раньше, значит. Мать прокляла свою дочь, и вот она стала кукушкой. У ей своего гнезда нету. Да, прокляла её мать. И она, кукушка, кукует, а у ней это... слёзы капают. И это, тут синенькие листочки, а тут так беленько. Вот и зовут их кукушкины слёзки (Томский район, Семилужки) [1, с. 102].

При этом современные носители традиционной культуры чаще всего не осознают мотивировку подобных этнографических фактов, что выясняется в ходе полевых исследований этнографов, фольклористов и диалектологов. В подавляющем числе контекстов, где актуализуется фитоним, какое-либо обоснование его внутренней формы и происхождения отсутствует. Ср.: *Кукушкины слёзки у нас ещё там по березнику были. Они синие, как колокольчики. Листочки маленькие, продолговатенькие, небольшие листочки <...>. У них сильно запах был такой ароматный (Мариинский район, Малопесчанка) [1, с. 102].*

Подчеркнем, что в интервьюировании ярко проявляется диалектность не только языка, но и самой народной культуры в трактовке, данной Н.И. Толстым [8]. Этиологические легенды, связанные с одной и той же реалией растительного мира, нередко бытуют в нескольких вариантах. Так, номинация *иван-да-марья* 'марьяник' в среднеобских говорах получает две различные мотивировки: 1) *У нас ещё есть синенько-жёлтенький цветочек, называют его иван-да-марья. Край полость растёт. Он назван так, говорят старые люди: «Жили в деревне парень с девушкой, уж сильно хорошо они ходили друг за другом и любили друг дружку. Но не суждено им было вместе жить, родители разлучили, да злые люди помогли. Собрались они и вон с крутого берега, с Бараньего рогу, у нас гора высокая Бараний рог называется, и бросились в омут». Ну вот за их дружбу, за их верность так и назвали цветок. На одном цветочке жёлтеньки и синеньки цветочки. Вот и цветы назвали иван-да-марья (Мариинский район, Благовещенка) [9]. 2) «Вот есть иван-да-марья». — «А почему так называется, не знаете?» — «Знаю, доченька, знаю! Как же мне не знать, сколько живу и не знать! Я ещё это от мамочки, от бабушки слыхала. Об этом цветке такая легенда ходит. Пошли как-то в лес по грибы Иван да Марья. Тут началась гроза, сверкает молния. Страшно. А спрячься-то негде. Вот Иван и загордил собой Марью. Гроза прошла. Иван да Марья домой вернулись. А в том месте, где Иван спасал Марью, выросла трава с фиолетовыми листочками, которые, как Иван Марью, защищали от грозы жёлтые цветочки. Вот и название отсюда пошло (Томский район, Поросино) [9]. Как видим, здесь есть общие компоненты сюжета (персонажи, любовь) и отличные (счастливая и трагичная развязка).*

Как правило, компоненты составных наименований мотивируются как самостоятельные части речи: *Иван-чай* вот по-научному кипрей называют. А знаете, почему так назвали? Иван потому что его нашёл и заварил первый чай. Особенно его употребляют охотники (Яйский район, Кайла) [1, с. 118]. Однако компоненты могут осмысляться и как служебные части речи. В этом случае мотивировка весьма причудлива: *Иван-чай* мы так в народе говорим, а сказывают, что по-научному это кипрей... Ну так вот, давно это было. Тогда такое слово было чай. Сказывали: «Чай, на охоту собрался?» Был такой парень Иван, гулял он в красной рубахе на опушке леса, среди цветов, кустарничков. Ну а жители как увидели красный цвет там, так и сказали: «Да это

Иван, чай, ходит». А потом он исчез, парень-то, а цветы-то остались. С них ещё чай пьют (Тайга) [1, с. 119].

Подобные сюжеты ярко отражают особенности русской диалектной лингвокультуры, поэтому представляют собой ценный материал для разрабатываемого нами словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений». Обосновывающие тексты входят в иллюстративную часть лексикона и являются источником сведений как о культуре (через специфику образов, сюжетов, стереотипных представлений), так и о языке, поскольку позволяют выявить метафорический источник, а также основание сопоставления растения и ассоциируемой реалии.

Так, с культурологической точки зрения, в легендах о происхождении растений и их названий могут быть использованы в том числе библейские образы и сюжеты. В материале среднеобских говоров присутствует упоминаемый О.В. Беловой мотив появления растения из крови святого. В легенде о зверобое отражен эпизод о просьбе дочери Иродиады подарить ей голову Иоанна Крестителя, описываемый в Евангелии от Матфея (Мф 14:1–12): *Это заячья кровь, ивановская трава. Светков у его много-много, жёлты все, внутри точки красны, растерёшь в руках, то пальцы становятся ярко-красны, как кровушка, а у зайца кровь уж красна. Придёт папа с охоты, принесёт зайца, начнёшь его разрезать, так кровь ала так бежит. А ивановска трава? Да мне маменька рассказывала, что давно-давно легенда есть: когда палач нёс голову Иоанна Крестителя, тогда несколько капель упали крови на траву, и выросла трава, которая впитала кровь Ивана. Так сейчас она называется ивановская трава (Шегарский район, Мельниково) [1, с. 91].* Что касается лингвистической составляющей, контекст позволяет вычлени метафорический источник (*Иван – Иоанн Креститель*) и основание сравнения (цвет выделяемого сока ярко-красный, напоминающий цвет крови), которые в словаре входят в зону толкования.

Ряд легенд лишь условно можно отнести к этимологическим. Например, в легенде о папоротнике описывается чудесная трансформация растения в особую, располагающую к различного рода фантастическим происшествиям точку времени – ночь на Иван Купала (Рождество Иоанна Крестителя в народной версии): *[Ромашка] не любит тени так, как жар-цветок. Он-то, наверное, всё от людей прячется. Не хочет, чтобы цветок его огненный видели. Цветёт он один раз в год накануне дня Ивана Купала. Между листьями вначале вырастает светящаяся почка, она шевелится, растёт, а ровно в полночь с треском лопается и появляется светящийся ярким светом цветок, при этом гром грохочет и молнии лес освещают, как днём. Потому и зовут его жар-цветок. Он клады открывает, будущее и прошлое рассказывает, счастливым делает того, кто его найдёт. Но сторожит его нечистая сила. Схватив цветок, нужно бежать без оглядки, что бы ни чудилось сзади. Если испугаешься и оглянешься, исчезнет цветок. А с ним и надежды на богатство и счастье. Рассказывают, что один крестьянин накануне Купалова дня искал в лесу пропавшую корову. В самую полночь проходил мимо жар-цветка да и не заметил, как цветок ему в лапоть попал. И тут ему стали видны клады, стало видно будущее. Легко отыскал он пропавшую корову. А как пришёл домой, напугал всех домашних: голос-то они его слышали, а самого не видели. Однако, когда лапоть мужик снимал, цветок выпал, и вмиг все пропало. Он за-*

был даже те чудеса, что недавно в лесу видел (Чаинский район, Бундюр) [9].

Таким образом, фольклорные сюжеты, воплощенные в жанре этиологических легенд разного генеза, описывающие моменты возникновения и наречения именем объектов растительного мира, являются ценным материалом для лингвокультурологического исследования. Такие легенды иллюстрируют самобытность народного мышления и мировоззрения как с точки зрения строения сюжета, системы образов, так и в аспекте выявляемых с их помощью метафорических проекций в сфере растительной лексики.

Литература

1. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. – Т. 1 : А–К. – С. 49.
2. Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов. – Ростов н/Д : Феникс, 2002. – С. 94–95.
3. У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой – М. : Форум ; Неолит, 2014. – С. 6.
4. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. – Киев : Довира, 1994. – С. 5.
5. «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой ; отв. ред. В.Я. Петрухин. – М. : Индрик, 2004. – 576 с. – (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).
6. Мороз А.Б. Народная интерпретация этнографического факта // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). – М. : Индрик, 2004. – С. 174–182.
7. Мороз А.Б. О фольклорности нефольклорного: евангельские события в восприятии современного крестьянина // Актуальные проблемы полевой фольклористики. – М., 2002. – Вып. 2. – С. 31–42.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – С. 20.
9. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та 2007. – Т. 2 : Л–Т. – С. 44.